СПЕЦХРАН СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ

СЕРГЕЙ КРЕМЛЁВ

Дневники Берии – не фальшивка!

Новые доказательства

Сергей Кремлев

Дневники Берии – не фальшивка! Новые доказательства

«Яуза»
2012

Кремлев С. Т.

Дневники Берии – не фальшивка! Новые доказательства /
С. Т. Кремлев — «Яуза», 2012

Сенсационная публикация личных дневников Л.П. Берии за 1938–1953 гг. с комментарием Сергея Кремлёва вызвала не только яростные споры в Интернете, но и бурную реакцию исторического официоза, поспешившего объявить эти записи «подделкой» и «мистификацией», а их публикатора – «фальсификатором». Подняв брошенную перчатку, Кремлёв принимает встречный бой – и не только отбивает все атаки обвинителей, не оставляя камня на камне от их «доводов» и предоставив новые доказательства подлинности дневников Берии, но сам переходит в наступление против кремлевского агитпропа, уличая «членкорскую мафию» в сознательной фальсификации советской истории, подлоге великой Сталинской эпохи и намеренном очернении ближайшего соратника Вождя: «Возглавляя НКВД, Берия много внимания уделил организации архивного дела, постоянно подчеркивая, что без документов нет архивов, без архивов нет истории, а без истории нет будущего. Берия исторические архивы создавал. Клеветники на Берию исторические архивы уничтожают. И подменяют документы фальшивками вроде «Катынского дела»…» «Сталин и Берия приняли Россию с сохой, а оставили с атомной бомбой. Нынешний режим оставит нас не только без ядерного щита, но даже без сохи…»

© Кремлев С. Т., 2012
© Яуза, 2012

Содержание

От автора 5
Тема I 9
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Сергей Кремлев
Дневники Берии – не фальшивка!
Новые доказательства

Юрию Позднякову – с благодарностью за многолетнюю дружбу

От автора

Эта книга оказалась для меня неожиданной в том смысле, что писать её я не собирался. Лишь вновь возникшие обстоятельства стали причиной того, что мне ещё раз пришлось вернуться к теме Берии.

В 2011 году издательство «Яуза» выпустило в свет с моими комментариями три тома дневников Л.П. Берии – великого менеджера социализма, выдающегося соратника И.В. Сталина.

Том 1 назывался «Сталин слезам не верит», том 2 – «Второй войны я не выдержу», том 3 – «С атомной бомбой мы живём».

Затем с моими комментариями были изданы недатированные материалы Л.П. Берии под названиями «Без Сталина России не быть!» и «Пожить бы ещё лет двадцать!».

Публикация дневников за 1938–1953 годы и других записей Л.П. Берии была встречена с достаточным интересом, лучшим подтверждением чего стало несколько дополнительных тиражей всех пяти книг. Однако обнародование материалов Л.П. Берии вызвало в обществе и бурные споры, причём дневники не раз объявлялись фальшивкой. Интернет-сеть наполнилась заявлениями о том, что дневники-де – «фейк» (то есть вымысел), однако внятных доводов в обоснование такого заявления не приводилось.

Ни времени, ни большой необходимости тратить время на знакомство со всем массивом откликов в Сети у меня не было и нет. Тем не менее кое-что до меня порой доходило. Вот типичный пример…

11 июня 2011 года в «Живом журнале» появилось следующее сообщение некого Александра Дюкова (a-duykov.livejournal.com1031599/htlm):

> «Дневники Берии.
>
> Значит, так.
>
> Издательство «Яуза» в этом году выпустило три книги так называемых «Дневников Берии» – фальшивки, изготовленной С. Кремлёвым.
>
> Для нашего журнала нужна подробная рецензия с разбором этого опуса.
>
> Гонорар, а также, при необходимости, экземпляр трёхтомника для препарирования будут предоставлены».

Судя по боевому настрою «живого» призыва, в «Живом журнале» не очень-то любят как Лаврентия Берию, так и Сергея Кремлёва. Но Берия давно обрёл возможность смотреть на ситуацию с позиций Вечности, а я не красна девица, и тон «ЖЖ» меня, скорее, позабавил, чем удручил.

К тому же я ознакомился с призывом А. Дюкова лишь в конце мая 2012 года – почти через год после его опубликования. И, как понял, редакция «ЖЖ» ни рецензий, ни разбора «этого опуса» ни от кого не дождалась.

А гонорар за «разоблачение» Кремлёва всё ещё не выплачен.

Факт сам по себе показательный.

Примеры можно продолжить, но вступать с кем-либо в дискуссии по собственной инициативе я не стремился. Как, простите, собаки ни лают, а караван должен идти…

В целом читатель воспринял «Дневники» доброжелательно и заинтересованно, и я этим был вполне удовлетворён. Так что, подготовив к изданию дневники и недатированные материалы из тайного архива Л.П. Берии, а затем написав, по просьбе издательства, ещё и собственную книгу «Если бы Берию не убили», я рассчитывал, что работу над темой Берии закончил если и не окончательно, то надолго.

Однако вышло иначе – вскоре мне пришлось взяться за перо ещё раз.

И, начиная эту, неожиданную для меня, сверхплановую, так сказать, книгу по бериевской тематике, я должен прежде всего выразить свою искреннюю, хотя и ***не*** глубокую и ***не*** доброжелательную благодарность члену-корреспонденту Российской академии наук профессор Владимиру Петровичу Козлову. Если бы не его массированное внимание к моему скромному труду по восстановлению доброго имени Л.П. Берии, эта книга на свет не появилась бы…

Дело в том, что в № 2 за 2012 год российского исторического иллюстрированного журнала «Родина» (учредители – Администрация Президента РФ и Правительство РФ) была опубликована статья профессора В.П. Козлова «Реабилитация подлогом – «как в кино»», где ставилась под сомнение аутентичность изданных издательством «Яуза-Пресс» дневников Л.П. Берии, подготовленных мною к печати и прокомментированных.

Затем, в № 4 за 2012 год уже академического журнала «Вопросы истории», та же, по сути, статья увидела свет под названием «Реабилитация подлогом».

Это уже было серьёзно, и подготовка того или иного ответа, по существу, стала для меня почти неизбежной, хотя я не предполагал вначале, что я дам его в форме не статьи, а книги.

Кроме того, книга обязана своим появлением на свет, хотя и в меньшей мере, также писателю «либерастического» направления Дмитрию Винтеру. Он посвятил анализу дневников Л.П. Берии собственный труд с названием «Сталин и Берия – военные преступники», изданный в 2012 году в том же издательстве «Яуза», которое издало дневники Л.П. Берии. На мой взгляд, это был со стороны издательства вполне разумный и умный шаг.

Такой шаг был разумным и потому, что книга Винтера представляет собой не столько анализ (точнее – «анализ» в кавычках) дневников, сколько набор поверхностных и просто неумных рассуждений автора, что само по себе характеризует его вполне определённым образом.

Дм. Винтеру я также выражаю благодарность за импульс к написанию этой книги и также – благодарность ***не*** доброжелательную.

Ну, тут уж – всё, что могу.

Итак, предлагаемая вниманию читателя книга – «сверхлимитная», я не собирался писать её. Конечно, появление уже первой статьи профессора Козлова в журнале «Родина» обязывало меня как-то отреагировать, дабы не дать повод моим критикам сказать: «Ага! Молчание – знак согласия…»

Но, повторяю, я не предполагал, что ответ окажется настолько объёмным.

Если же иметь в виду книгу Дм. Винтера, то её низкий, в общем-то, уровень позволял не очень-то обращать на неё внимание – вплоть до полного её игнорирования. Тем более что Дм. Винтер, обвиняя Сталина, Берию, а заодно (какая честь для меня!) и Кремлёва во всех смертных грехах, не только не ставил под сомнение подлинность дневников Л.П. Берии, но все свои рассуждения строил, исходя из их аутентичности.

Что же до статьи профессора Козлова, то тут всё обстояло иначе. Причина, заставлявшая меня отвечать на неё, была не в уровне статьи как таковой, и даже не в статусе её автора, а в уровне и статусе тех печатных изданий, где появилась статья. В Интернете брани по поводу дневников хватало и хватает, но Сеть есть Сеть, а журнал РАН – это, как ни крути, всё-таки журнал РАН.

Кроме того, профессор-историк Козлов, в отличие от литератора-либерала Винтера, объявлял дневники фальшивкой. Не ответить как-то на ***такой*** выпад я не мог.

Вначале я рассчитывал дать ответ профессору Козлову тоже в рамках статьи. Но статья разрасталась, начинали просматриваться новые темы…

И, посоветовавшись с моими издателями, я решил написать всё же книгу.

Тем более что сам по себе вопрос был принципиально шире, чем вопрос о том, аутентичны ли дневники Берии.

На мой взгляд, намного более актуален и важен вопрос о том, насколько соответствует исторической истине и неопровержимым документам тот облик эпохи Сталина и Берии, который создан сегодня в массовом сознании как средствами массовой информации, так и историками-академистами.

Сразу скажу, что в целом роль официозной российской «исторической» «науки» в подлоге сталинской эпохи настолько неприглядна, что впору говорить о моральной преступности многих академических и т. п. структур.

Незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение, но насколько выше ответственность тех, кто, не только зная, но и устанавливая законы, сам же их нарушает! А ведь именно это мы и наблюдаем сегодня в сфере истории.

Историю обязаны исследовать историки. Это ***на них*** общество возлагает задачу отыскания исторической истины и восстановления подлинной картины прошлого. Писать историю, дать её объективную ***нормативную*** реконструкцию – не только профессиональное право, но и профессиональный долг историков.

А что мы имеем на деле?

Берия, возглавляя НКВД, много внимания уделил организации архивного дела, постоянно подчёркивая, что без документов нет архивов, без архивов нет истории, а без истории нет будущего.

Берия исторические архивы создавал.

Клеветники на Берию исторические архивы уничтожают.

И подменяют документы фальшивками.

Вот в чём главная нынешняя проблема познания истории – в отсутствии у огромного числа историков-профессионалов стремления к истине на фоне документальной фальсификации истории.

Причём чем выше официальный статус историка, тем более ярко, как правило, выражено у него пренебрежение истиной в угоду личным интересам, с одной стороны, и готовность к прямой фальсификации истории, с другой стороны. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать те же исторические журналы «Родина» и «Вопросы истории».

Да, официозные историки раз за разом лгут, и поэтому я счёл необходимым поднять перчатку и принять «встречный бой», обвиняя академистов в несомненном подлоге эпохи Сталина, в искажении её исторического облика и сути.

В состав своей новой книги я включил не только развёрнутый ответ профессору Козлову и ряд замечаний по книге Дм. Винтера, но также коснулся вопроса о возможном текстологическом анализе дневников Л.П. Берии по типу того анализа, который был предпринят в целях установления подлинного автора романа «Тихий Дон».

Напомню, что в своё время авторство Михаила Шолохова было поставлено под сомнение, и в 80-е годы честь Шолохова защитили шведские и норвежские лингвисты, предприняв особое исследование.

Теперь, напротив, кое-кто приписывает авторство «Дневников Берии» Сергею Кремлёву и отказывает в авторстве Берии. Что ж – методы честного анализа выработаны давно, и никому не заказана возможность новых исследований.

Работа над книгой шла полным ходом, когда у меня в руках оказался и «свеженький», издания 2012 года, сборник документальных материалов по «делу Берии». Поскольку составители сборника прямо связали рассекречивание части следственных материалов и т. д. по этому «делу» с публикацией дневников Берии, я счёл необходимым познакомить читателя со своими впечатлениями и от сборника «бериевских» документов, изданных под общей редакцией О.Б. Мозохина.

Поскольку моя книга невелика по объёму, я счёл уместным и удобным разделить её не на главы, а на темы – восемь тем, в той или иной мере относящихся к основной теме дневников Берии.

«Дневники Берии» – не фальшивка. Фальшивкой оказываются потуги изобразить эпоху Сталина и Берии как время мрачного террора, а двух великих сынов России и Грузии – как тирана и его сатрапа.

«Дневники Берии» повествуют о прошлом, но заставляют задумываться о настоящем.

И прежде всего этим они ценны для нашего возможного будущего.

Сергей Брезкун (Кремлёв)

Тема I
Не подлог, а документ

Ответ профессору и членкору Козлову

У этой небольшой по объёму книги есть несколько тем, поэтому, как уже было сказано, я и разделил её не на главы, а на темы.

И первой из тем должна быть, естественно, тема ответа профессору и члену-корреспонденту РАН, известному историку Козлову. Именно его статьям (точнее – статье) обязана эта книга своим появлением на свет, так что именно с разбора его статьи и надо начинать.

Анализируя статью профессора Козлова, я не намерен давать лишь ответ по существу тех вопросов, которые поднял в популярной и научной периодике член-корреспондент РАН профессор В.П. Козлов после публикации личных дневников Л.П. Берии. Вольно или невольно В.П. Козлов затронул ряд таких моментов, о которых ему бы лучше было и умолчать.

Поэтому в свой анализ непосредственно текста профессора Козлова я включаю и некоторые свои размышления, порождённые чтением статьи уважаемого мною (не более, впрочем, чем в рамках эпистолярной вежливости) академиста.

Скажу при этом сразу, что если у меня и имелись сомнения в том, что мне были переданы подлинные дневники Л.П. Берии и другие его материалы, то «критический» «анализ» этих дневников В.П. Козловым окончательно укрепил меня в уверенности, что дневники Берии – не фальшивка, а документ эпохи.

Дело в том, что профессор Козлов не привёл ***ни одного*** факта или примера, ставящего аутентичность материалов Л.П. Берии под сомнение. Фактически В.П. Козлов ограничился лишь рассуждениями и предположениями – даром что свои догадки он раз за разом подаёт как доказанные утверждения.

Впрочем, обо всём – по порядку.

И начну я, пожалуй, с некоторых предварительных пояснений.

Сам факт активного академического внимания к моей работе по обнародованию дневников Л.П. Берии не столько польстил мне, сколько заинтриговал, особенно с учётом того, что первая публикация статьи появилась ***почти через год*** после издания первого тома дневников.

Скажем, в Интернете бурная дискуссия разгорелась сразу. Однако форумы в Сети далеко не всегда отличаются достаточным профессиональным, образовательным и интеллектуальным уровнем. На одно взвешенное и просвещённое мнение там приходится в достатке просто глупых и воинственно-невежественных, так что оценки типа «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» меня не обескураживали.

Безусловно, и я, и мои издатели ещё до издания дневников понимали, что отсутствие у публикатора даже одной фотокопии оригинала (не говоря уже о самом оригинале) сразу же даёт основания ***вполне объективным*** аналитикам поставить аутентичность дневников под сомнение. Ведь я и сам начал с сомнений и подчёркивал это в предисловиях ко всем томам, начиная с первого, где вся история (действительно, не спорю, полудетективная) появления у меня электронной копии материалов Л.П. Берии была изложена наиболее подробно.

Также не раз я подчёркивал, что был бы лишь благодарен тем, кто взял бы на себя труд квалифицированного текстологического и исторического анализа дневников. Я много потрудился над анализом предоставленных мне текстов и лишь после весьма немалых трудов решился обнародовать их. Однако, не являясь ни москвичом, ни лингвистом-текстологом, ни профессиональным историком, да и вообще не имея нормальных условий для работы, я не мог выполнить работу анализа в том объёме, в каком мне этого хотелось и какой был необходим объективно.

Поэтому статья профессора Козлова меня, естественно, заинтересовала. В.П. Козлов известен как учёный, специализирующийся в том числе на анализе исторических мистификаций, и я надеялся найти в его публикации весомые «за» или «против». Увы, уже название статьи насторожило, а содержание, скажу прямо, – разочаровало.

Но почему вдруг возникло такое обилие «разоблачительных» «академических» материалов через такой длительный срок после выхода в свет не то что первого, но даже последнего тома дневников?

Не исключаю, что ларчик открывается вот как…

Можно предполагать, что кое-кого встревожил успех дневников у читающей публики (а он оказался налицо!). И вначале официозная, а затем академическая публикации статьи профессора Козлова должны были как-то нейтрализовать то положительное впечатление, которое неизбежно возникает при знакомстве с записями самого Л.П. Берии и усиливается, рискну заявить, после знакомства с той уже абсолютно достоверной исторической информацией, которая содержится в моих примечаниях и комментариях.

В том случае, когда чувствуешь за собой историческую правоту (а я как любой человек, доброкачественно воспитанный советской эпохой, её за собой чувствую), полноценная дискуссия с любым оппонентом не представляет особого труда.

Однако заочная дискуссия имеет ту неизбежную особенность, что требует для обеспечения полноты ответа немалой печатной площади. Ведь для ответа оппоненту вначале надо привести его тезисы, а уж затем их проанализировать. Тем не менее я построю свой непосредственный ответ профессору Козлову именно так, как этого требуют не печатные нормы, а полнота дискуссии, и надеюсь, что читателей, особенно знакомых с публикацией дневников, не утомит объём моего ответа и последующих сопутствующих размышлений.

Текст статьи профессора Козлова приведён по варианту, опубликованному в Интернете (http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/Vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/Istochnikovedenie/Reabilitaciya-podlogom-kak-v-kino.html).

Ниже текст статьи профессора Козлова выделяется более широкими полями и более мелким шрифтом, все выделения в цитатах жирным курсивом – мои. Поскольку порядок цитирования тезисов и аргументов профессора Козлова строго соответствует структуре его статьи, предметом моего анализа не всегда с первых строк являются самые существенные её места, на что обращаю внимание сразу, дабы не навлечь на себя обвинение в «копании в мелочах».

Статья начинается так:

> «Публикация «Личного дневника» Л.П. Берии в трех книгах, казалось, должна была бы стать сенсационным событием в документальном освещении значительной части истории СССР сталинской эпохи… Оказывается, один из ближайших соратников И.В. Сталина вел на протяжении 1937–1953 гг. дневник, называя его «***дружком***»».

Мелочь, но – показательная. У незнакомого с текстом дневников человека такая деталь (дневник-«дружок») может создать облик Л.П. Берии как личности, склонной к неким сантиментам на фоне якобы палачества. Но слово «дружок» по отношению к дневнику его автором употреблено на протяжении пятнадцати лет два-три раза.

Далее:

> «Ему (дневнику. – *С.К.*) он доверял не только свои сугубо личные размышления, но и записи о крупнейших событиях истории СССР, обсуждении и принятии важнейших политических решений, определивших в то время советскую историю, и даже наивысшую государственную тайну страны – создание атомной бомбы».

В своих комментариях я особо подчёркивал, что в тех местах дневника, где Л.П. Берия касается атомной тематики, он весьма аккуратен и, как правило, пользуется иносказаниями или кодовыми обозначениями, и это объясняется особой дисциплиной мышления, которая вырабатывалась у автора дневника десятилетиями.

И вновь – профессор Козлов:

> «…Возможно ли такое, задается вопросом публикатор и комментатор «Личного дневника» Берии С. Кремлёв? И дает положительный ответ на этот вопрос, неизбежно возникающий у каждого читателя этого документального исторического источника. И мы должны согласиться с тем, что такая возможность не может быть исключена. Вели же дневники высокопоставленные царские сановники XIX – начала XX в., да и сам последний российский император Николай II не был чужд этому увлечению. Правда, то были в своем большинстве сановники-интеллектуалы, желавшие зафиксировать историю сквозь призму своего восприятия происходившего. А тут всего лишь действительно эффективный «сталинский менеджер», прагматик, думавший больше о цели, нежели о средствах ее достижения, тем более о времени. Да и время было не царское – подобного рода документы (о чем Берия знал не понаслышке), случалось, становились свидетельствами не о времени, а обвинения. Однако все могло быть – терапия души с помощью личных дневников явление известное и независимое от служебной, политической и общественной иерархии их авторов…»

Что можно сказать о рассуждениях профессора Козлова относительно того, что личные дневники были-де более естественными для высокопоставленных царских сановников XIX – начала XX в., в том числе для такого «интеллектуала», как император Николай II, а не для «сталинского менеджера» и прагматика, якобы «думавшего больше о цели, нежели о средствах её достижения»?

Во-первых, профессор Козлов совершенно зря так высоко отзывается о царских сановниках и их венценосном руководителе. И уж тем менее у профессора Козлова имеются основания не очень-то высоко ценить уровень и внутренний мир сталинских соратников.

Царские «интеллектуалы» в XIX веке и начале XX века, ***презирая*** народ, обеспечили России лишь тотальную отсталость (чему доказательство – статистика), прогрессирующую долговую кабалу и бездарные конфликты на Дальнем Востоке и в Европе.

А Сталин и «сталинские менеджеры» в срок всего десяти лет после разрухи двух войн ***вместе с народом*** сделали Россию первой державой Европы.

Это ведь факт!

Во-вторых, вполне достоверные, ныне опубликованные документы, в том числе – Атомного проекта СССР, доказывают, что Л.П. Берия, как и сам И.В. Сталин, думал о средствах достижения цели достаточно много и избирал, как правило, вполне достойные и исторически обусловленные средства.

В-третьих, и цели у них были вполне достойные, что доказывается прежде всего статистикой сталинской эпохи, в том числе – и социальной, о чём профессор Козлов не знать не может, как не может не знать он и о существовании дневников ряда государственных деятелей СССР во времена Сталина.

Вести дневники тогда не боялись – если занимались государственными проблемами, а не политическими шашнями.

Впрочем, далее «бык» берётся профессором «за рога» и утверждается:

> «…уже «Предисловие публикатора», где рассказывается история обретения им (мной. – *С.Б.*) «Личного дневника» Берии, вызывает не просто

> сомнения в его подлинности, но и рождает ***уверенную*** гипотезу о том, что перед нами подложный, т. е. сфальсифицированный по каким-то причинам, документальный исторический источник».

Итак, уже в начале статьи, ещё ***до*** сообщения каких-либо соображений и замечаний по существу, предвосхищая и анализ, и синтез, профессор Козлов делает, по сути, ***вывод*** («***уверенная*** гипотеза») о том, что мы имеем дело с подлогом. Подобное заявление в устах серьёзного учёного выглядит – да позволено будет и мне высказать ***уверенную*** гипотезу – как свидетельство не объективного подхода, а выполнения, по тем или иным причинам, некоего недобросовестного социального заказа. Искренняя же уверенность обычно является результатом анализа, а не его предпосылкой.

Профессор Козлов пишет:

> «Около Кремля, в Александровском саду, на скамейке после странной (ничего странного я в ней не нашёл! – *С.К.*) беседы его (дневник. – *С.Б.*) передает в 2008 г. Кремлёву седовласый старец «Павел Лаврентьевич». Выступая от некоей группы единомышленников (местоимение «мы» постоянно звучит в его речи), он выказывает похвалу книге Кремлёва «Берия. Лучший менеджер XX в.», вышедшей в 2007 г., и этим объясняет передачу для издания именно ему «Личного дневника» Берии.
>
> В передаче Кремлёва это звучит так: «…после прочтения вашего «Берии» я понял, что наконец-то появилась книга, которая позволяет всё расставить на свои места. Мне нравится ваша позиция, Сергей Тарасович, вы написали о Берии глубоко и смело. Я бы сказал, что вы написали о Берии в стиле Берии, который не терпел виляния вокруг да около… И я решил, что лучшего варианта, чем вы, не найду. Мы хотим, чтобы вы не просто опубликовали эти дневники, но вдумчиво подготовили их к печати и прокомментировали их» (т. 1, с. 9)…»

Что ж, всё верно, так оно и было. И даже профессор Козлов не отрицает того, что ничего невозможного в описанной мной ситуации не усматривается, и он благосклонно соглашается:

> «…Ну что же, вполне нормальная вещь: единомышленник доверил Кремлёву издать «Личный дневник» Берии без каких-либо условий. Он стар и, хотя еще способен на крепкое рукопожатие и ясность мыслей, все же уже не может сам подготовить к изданию этот документальный исторический источник. Поэтому-то «Павел Лаврентьевич» и передает своему собеседнику-единомышленнику «электронную копию дневников». Читатель, как и Кремлёв, неизбежно должен подумать, что передаются сканированные копии оригинала «Личного дневника» Берии, которые дадут возможность по почерку автора установить их аутентичность. ***Но оказывается, Кремлёв стал обладателем всего лишь сканов машинописной копии оригиналов*** страниц «Личного дневника», изготовленной неизвестно кем и когда».

Увы, оказывается, что профессор Козлов невнимательно читал моё предисловие к первому тому и поэтому высказал некое утверждение, действительности не соответствующее. Но об этом – чуть позже, пока же вернёмся к ходу мыслей моего оппонента:

> «Будущий публикатор (то есть я. – *С.К.*) этого документального исторического источника, разумеется, знакомый с элементарными правилами археографии и документального источниковедения, демонстрирует свое недоверие к аутентичности ***электронной копии машинописной копии оригинала***. И тогда «Павел Лаврентьевич» показывает ему фотокопии

> оригинала. «Надеюсь, – говорит он при этом, – вы достаточно знакомы с почерком Лаврентия Павловича, чтобы убедиться, что почерк автора дневника похож на бериевский. Конечно, вы не графолог, но это вам хоть какая-то дополнительная гарантия» (т. 1, с. 7). Кремлёв сообщает, что, посмотрев фотокопии, он «увидел знакомую руку». Отлично, фотокопии оригинала должны стать проверочной базой точности передачи текста в электронной копии машинописной копии. Но, увы, «Павел Лаврентьевич» от лица своих друзей заявил Кремлёву, что «мы…не имеем возможности передать вам насовсем ни фотокопию, ни ксерокопию, ни скан фотокопии» (т. 1, с. 8). Вопрос: почему же? «Павел Лаврентьевич» объясняет: «Там есть пометки, архивные легенды и прочие приметы, которые могут стать существенными для чрезмерно любопытных субъектов. А нам это ни к чему» (т. 1, с. 8). Кремлёв демонстрирует настойчивость: «А оригиналы сейчас где-то имеются?» – спрашивает он собеседника. И получает сухой ответ: «Этого я вам тоже сказать не могу» (т. 1, с. 8)…»

В этом пассаже профессор Козлов вновь повторяет своё ошибочное утверждение, и пора объяснить читателю, в чём же конкретно заключается ошибка профессора Козлова.

Должен огорчить (а возможно, обрадовать лишним «доказательством») уважаемого профессора, но он, повторяю, не очень внимательно читал предисловия к томам дневника.

У меня нигде не идёт речь о «***сканах машинописной копии*** оригиналов».

Я получил именно ***электронную версию*** дневников, то есть лишь текст, набранный действительно неизвестно кем и когда, уже на компьютере. Фотокопии оригинала, а не машинописной копии я лишь подержал в руках. Но это были именно фотокопии рукописного оригинала.

По сути, я получил всего лишь будущую принтерную распечатку текста дневников, что, пожалуй, вполне понятно.

Если мои, как выражается, профессор Козлов, «единомышленники» имели доступ к оригиналам с возможностью снять с них фотокопии, то они и сняли с дневников, естественно, фотокопии, а не занимались утомительной перепечаткой текста на пишущей машинке.

Так же естественно, что если они, по тем или иным причинам, не желали отдавать в другие руки фотокопии, то они должны были перенести текст на иной – современный – носитель информации, что они и сделали.

При этом их работа была, как я понимаю, не такой уж и объёмной. Ведь оригинальный текст переданных мне материалов Л.П. Берии (там были не только датированные дневниковые записи, но и недатированные записи разного характера «россыпью», отдельно изданные уже в 2012 году как дополнение к дневникам), составляет во всех трёх томах существенно меньшую часть, чем мои комментарии, развёрнутые примечания и т. д.

Ещё раз напоминаю: так и оставшийся мне неизвестным «Павел Лаврентьевич» (это, конечно же, был подчёркнутый «перевёртыш» имени и отчества Берии – Лаврентий Павлович) лишь показал мне фотокопии ряда листов оригинала, но отдавать их мне отказался.

Подобное нежелание меня, конечно же, настораживало и смущало, но отнюдь не потому, что, как пишет профессор Козлов, «фотокопии оригинала должны [были] стать проверочной базой точности передачи текста в электронной копии машинописной копии».

Во-первых, напоминаю, что не было «электронной копии машинописной копии», а была лишь ***эле***ктронная версия текста. Но надо ли сомневаться, что фотокопии и электронная версия совпали бы полностью с точностью до опечаток набора?

Нет, меня смущало прежде всего именно предвидение появления «уверенных гипотез» о поддельности дневников, если я не смогу представить хотя бы часть фотокопий. Однако «Павел Лаврентьевич» просто поставил меня перед фактом, а чем он руководствовался – я могу в

основном лишь гадать, хотя достаточно подробно описал в предисловии к первому тому дневников некоторые мотивы «Павла Лаврентьевича» – как им высказанные, так и мной предполагаемые.

Забегая вперёд, могу известить читателя, что на тему о том, почему тексты Л.П. Берии мне были переданы так, как они мне были переданы, мы ещё поговорим позднее отдельно – при рассмотрении темы седьмой.

Сейчас же лишь скажу, что если бы мне и были переданы фотокопии оригинала, то «рецензентами» потом было бы, скорее всего, всё равно заявлено, что это-де фальшивки, ибо экспертиза проводится по оригиналам.

Профессор Козлов утверждает:

> «Странно: все эти «пометки, архивные легенды и прочие приметы» ничего не стоит удалить ***из «скана» фотокопий*** «Личного дневника» Берии ради удостоверения его аутентичности по почерку».

Но, во-первых, не было «скана» фотокопий, а были сами фотокопии, отпечатанные явно не на «Кодаке», а на весьма старой, по крайней мере на мой непросвещённый взгляд, фотобумаге.

Во-вторых, стоило ли «огород городить», если аутентичной экспертизы не проведёшь?

А в-третьих, я «осуществил документальную публикацию» дневников, подтверждая – по крайней мере для себя – их аутентичность не «ссылкой, – как утверждает профессор Козлов, – на увиденный… по фотокопии дневника почерк Берии», а немалой, уверяю всех, работой по сверке хронологии и фактов, отмеченных в дневнике, с точно датированными и документально подтверждаемыми историческими событиями.

Мне пришлось поработать с десятками источников и тысячами документов, но не для того, чтобы, используя их, написать дневники Берии. Мне пришлось предпринять немало усилий для того, чтобы: а) по возможности установить аутентичность переданных мне текстов и б) разобраться в сути записей и т. д., а после этого, по мере своего разумения, прокомментировать их и снабдить примечаниями.

Да ведь правда истории нередко фиксируется не только в исторических бумагах. Она фиксируется в материальных, культурных и нравственных результатах той или иной эпохи.

Их я тоже брал при анализе в расчёт.

Впрочем, более подробно я остановлюсь на этом позднее, при рассмотрении темы восьмой «Историки-академисты против исторической правды», а сейчас вернусь к анализу профессора Козлова, который пишет:

> «Итак, из рассказа Кремлёва мы можем выстроить следующую матрицу бытования «Личного дневника» Берии до его обнародования. В некоем архиве, явно не личном, а государственном или ведомственном, хранилась или даже до сих пор хранится оригинальная, т. е. написанная самим Берией, рукопись его дневника. Некая группа людей сумела однажды изготовить с его большей части фотокопии. Кремлёв рассуждает по этому поводу следующим образом: «Вполне могли быть люди, которые относились к Берии лояльно, имели доступ к изъятым у него бумагам и предприняли шаги по их копированию на случай уничтожения хрущевцами или другими подлецами» (т. 1, с. 8). ***По этим фотокопиям была сделана машинописная копия. Электронная копия этой машинописной копии загадочным «Павлом Лаврентьевичем» была передана Кремлёву.*** В этой пятиточечной матрице что ни точка, то вопрос…»

Это уж точно! Вопросов хватало и хватает, но вот незадача – некоторые вопросы профессора Козлова оказываются, увы, некорректными.

Так, на его вопросы: «Где находится машинописная копия дневника, кто и когда изготовил ее? Почему Кремлёв не представил хотя бы в качестве иллюстрации часть электронной копии машинописной копии дневника?» – нет ответов просто потому, что, как уже было сказано, я даже в руках не держал ***машинописной*** копии дневника, я держал в руках лишь часть ***фотокопий оригинала***.

Думаю, что машинописной копии никогда в природе и не существовало по причине, мною уже выше указанной (в машинописной копии просто не было нужды, коль была возможность просто переснять оригинал).

Но вот вопрос профессора Козлова «Где же всё-таки хранится оригинал «Личного дневника» Берии?» более чем уместен.

А действительно – где же всё-таки хранится и оригинал дневника Берии, и множество других, однозначно аутентичных, исторических документов, которые неизбежно должны были остаться после Берии?

Берии – крупного кавказского чекиста, партийного лидера Закавказья и Грузии, наркома внутренних дел СССР, заместителя Совнаркома и Совмина СССР, члена ГКО и заместителя Председателя ГКО, председателя Спецкомитета при СМ СССР…

Ведь общий корпус документов из полного архива Берии – это, пожалуй, десятки тысяч документов!

Так где же они, эти десятки тысяч документов?

Они-то ведь ***достоверно*** существовали, но вот ***существуют ли***?

Ведь уважаемый (не более, впрочем, чем в пределах эпистолярной вежливости) профессор Козлов не может не знать, что вначале хрущёвцы, а затем «перестройщики» типа генерала от фальсификации Волкогонова физически уничтожили множество архивных документов, совершив этим тягчайшие преступления перед народом и историей.

Берия говорил, что без документов нет архивов, без архивов нет истории, а без истории нет будущего. И как раз для того, чтобы лишить Россию будущего, её, с определённого момента, стали лишать истории, а перед этим – основательно почистили архивы, в ряде случаев «пополнив» их подложными «документами».

Поэтому на вопрос профессора Козлова я отвечу так: «Не знаю, где хранится или ***хранился*** оригинал «Личного дневника» Берии, но думаю, что он находится или ***находился*** там же, где находятся всё ещё не рассекреченные следственные дела по заговору, например, Тухачевского и прочие документы, оправдывающие Сталина, где хранятся сфальсифицированные тома «следственного дела» Берии и многие другие документы эпохи Сталина и Берии, показывающие её подлинный облик во всём её непридуманном трагизме и несомненном величии».

Ведь эта эпоха была полита прежде всего кровью сознательной жертвенности героев и п***о***том созидания, а нам от неё оставляют сегодня лишь грязь.

И ещё – пепел от подлинных документов той эпохи, уничтоженных её фальсификаторами.

Поэтому мне, в отличие от профессора Козлова, не показалось странным то, что «Павел Лаврентьевич» категорически отмёл любую возможность проведения «государственной» «экспертизы» этого важнейшего документа на том основании, что нет сейчас в России государства…

И разве это не так? Что, оно – настоящее государство, в его полноценном и общественно состоятельном содержании, у нас есть?

Значение государства сейчас максимально принижают сами его официальные «столпы», так чего уж там?!

Впрочем, и об этом я скажу более подробно позже, а пока – опять статья профессора Козлова. Он усомнился в аутентичности текста дневников Л.П. Берии и рассуждает во вполне вроде бы академической манере:

> «В русском языке слово «легенда» имеет многозначный смысл. В первую очередь оно означает предание, недостоверное повествование. Но уже на рубеже XIX–XX вв. в документальном источниковедении и археографии в России этим словом начали обозначать некие пояснения, обязательные при публикации документального исторического источника, – указания на его место хранения, оригинальность или копийность, историю его бытования и обнаружения и т. д. – все то, что удостоверяет аутентичность, т. е. в первую очередь подлинность, публикуемого документального исторического источника, ***даже если в конце концов он оказывается недостоверным***».

Вот так академический подход!

Оказывается, учёный-историк вначале объявляет обязательным критерием достоверности исторического источника указания на его место хранения, оригинальность или копийность, на историю его бытования и обнаружения и т. д. – всё то, что удостоверяет аутентичность, а затем сообщает, что, несмотря на наличие всех этих археографических условий, источник в конце концов может оказаться недостоверным.

Занятный подход!

Но дальше – больше! Профессор Козлов заявляет:

> «Многословное «археографическое» легендирование «Личного дневника» Берии, предпринятое Кремлёвым, на самом деле представляет собой не легенду в ее археографическом смысле, а легенду в ее основном толковании как недостоверное повествование, хуже того – сознательную и преднамеренную ложь. Иначе говоря, гипотеза о том, что «Личный дневник» Берии представляет собой документальную фальсификацию, получает веское подтверждение…»

Итак, на основании отсутствия в моей публикации тех археографических данных, которые – по утверждению самого рецензента – ***не*** гарантируют достоверности, рецензент делает вывод о том, что дневники недостоверны, а Кремлёв – лжец.

Ну-ну…

Заметим, к слову, – в глазах профессора Козлова Кремлёв не мистификатор, как Проспер Мериме с его «Тузлой» или Дж. Макферсон с его «Поэмами Оссиана» (если брать примеры из литературы), не оригинальный историограф Сандр де Куртиль с его поддельными «Мемуарами д'Артаньяна», а именно ***лжец***.

Определение сильное, и не думаю, что мной заслуженное. Ведь внимательный и объективный читатель моих предисловий, послесловий и комментариев к дневникам Л.П. Берии может легко убедиться в том, что я лишь ***предполагал*** аутентичность их текста, а не заявлял о том категорически! Профессор же Козлов утверждает, что «…Кремлёв вместе с «Павлом Лаврентьевичем» предлагает читателям *поверить* в подлинность «Личного дневника» Берии…».

А вот уж тут, как говорится, ***простите***! Ни я, ни «Павел Лаврентьевич» ничего подобного никому не предлагали, и это явствует из статьи самого уважаемого профессора Козлова, где сказано следующее:

> «…«Павел Лаврентьевич» советует Кремлёву: «Берите то, что я вам даю, если желаете, ***и сопоставляйте*** хронологию, психологию, фактологию и все что вам угодно в рукописи с известными историческими фактами. И ***сами решайте*** – аутентична она или нет» (т. 1, с. 10)».

Как видим, меня никто ни в чём не уверял. Мне, напротив, рекомендовали заняться собственным тщательным анализом текста на предмет собственного вывода о его достоверности. Чем я как раз и занимался очень немалое время, сопоставляя хронологию и фактологию днев-

ников с известными историческими фактами и ***постепенно*** приходя к убеждению в том, что имею дело, ***скорее всего***, с аутентичным текстом. При этом я приглашал всех желающих присоединиться к анализу дневников.

Профессор Козлов этим и занялся, но вот насколько убедительно и корректно он это проделал? Он пишет:

> «Ну что ж, послушаем совета «Павла Лаврентьевича» и пройдемся по страницам «Личного дневника» Берии с карандашом в руках, сравнивая его записи с действительно подлинными документальными источниками».

И далее:

> «Важнейшим из них, можно сказать ключевым, являются опубликованные «Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным» в 1924–1953 гг. (далее – Журналы Сталина) – документальный источник подлинный и достоверный. Журналы Сталина дали фальсификатору точную хронологию приемов Сталиным Берии за 1938–1953 гг., а ***именно записи об этом составляют основу*** «Личного дневника».

Профессор Козлов ломится здесь в открытую дверь, поскольку я неоднократно ссылался именно на «Журналы Сталина» и как раз с сопоставления записей Л.П. Берии с информацией из «Журналов» начал анализ дневников. Но вот утверждение рецензента о том, что именно записи о пребывании Л.П. Берии в кабинете Сталина якобы «составляют ***основу*** «Личного дневника», попросту не соответствует действительности. Для того чтобы убедиться в том, что хронология и тематика записей в дневнике гораздо шире обсуждений в кабинете Сталина, достаточно просто прочесть дневник.

Честно говоря, я поленился подсчитать точное количество подённых записей в дневнике Л.П. Берии. Работа по их анализу и ещё больше – по их комментированию (для чего пришлось привлечь десятки, если не сотни, источников и тысячи документов) – и без того измотала меня. Зато профессор Козлов подсчитал кое-что иное и сообщает:

> «…Берия не менее 1485 раз посетил кабинет Сталина – почти каждый день, а иногда в течение суток и несколько раз. Это красноречиво свидетельствует о том, что Берия был действительно одним из ближайших соратников Сталина, вместе с которым они делали вполне реальные дела. «Личный дневник» Берии зафиксировал лишь часть таких посещений, хронология которых безупречна и совпадает с записями в Журналах Сталина».

«Логика» здесь, как видим, «на высоте». Если бы хронология опубликованных мной дневников Берии оказалась ***не***безупречной, то профессор Козлов объявил бы их поддельными на этом основании. Однако, как он сам же свидетельствует, хронология безупречна и совпадает с записями в Журналах Сталина. И на этом основании делается вывод, опять-таки, о… поддельности дневников.

С подобной «логикой» мы ещё столкнёмся. Сейчас же не могу не отметить тот факт, что зато для профессора Козлова не подлежащим сомнению является расстрел поляков в Катыни «палачами Берии» в 1940 году. «Разоблачая» меня как «фальсификатора», он восклицает:

> «Символично, однако, отсутствие в «Личном дневнике» Берии записи о заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., ***на котором было принято решение о внесудебной расправе с пленными польскими офицерами***. В Журналах Сталина это заседание с присутствием на нем Берии зафиксировано. Понятно отсутствие записи об этом важнейшем событии в «Личном дневнике» Берии: ***его публикатор все документы об этом походя называет «фальшивками»***. А затем даже заставляет Берию в его дневнике

> возмущаться гитлеровской политической и идеологической «провокацией». «Похоже, – записывает якобы Берия в своем «Личном дневнике» о находке в Катыни трупов расстрелянных поляков, – это те поляки, которые разбежались от нас при оставлении Смоленска. Им надо было идти в тыл самостоятельно, а они остались у немцев. Что ж, свое они получили. Эта публика всегда заявляла, что лучше быть мертвым, чем красным» (т. 2, с. 111). Для Кремлёва именно эта запись Берии является «важным подтверждением того, что и так, впрочем, сегодня ясно любому объективному аналитику: польских военнопленных расстреляли не сотрудники НКВД в 1940 г. по решению Политбюро, а немцы в 1941 г., чтобы обеспечить себе в удобный момент сильный пропагандистский рычаг для осложнения советско-польских отношений и дискредитации Советского Союза во внешнем мире» (т. 2, с. 111). ***Старая песня, комментировать которую нет смысла после многочисленных документальных публикаций по этому вопросу***».

Не пойму, почему отсутствие в личном дневнике Берии записи о заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года моим рецензентом расценивается как символичное? Тем более что в его фразе на сей счёт содержится одно достоверное утверждение и одно недостоверное. Заседание Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1940 года действительно имело место быть. Но с чего это вдруг уважаемый профессор так уверенно заявляет, что на этом заседании было принято решение о внесудебной расправе с пленными польскими офицерами? Это что – точно доказано?

Да, заседание Политбюро 5 марта с присутствием на нем Берии в «Журналах Сталина» зафиксировано. Но ведь содержание и повестка дня этого заседания в «Журналах…» не раскрываются! А сама «катынская» фальсификация давно фактически раскрыта. Вот только официозные историки «в упор» не хотят этого признавать, несмотря на все бесспорные доказательства.

Мой рецензент-оппонент обвиняет меня в том, что я оценил «катынский» аспект вопроса ***походя***… Однако в мою задачу как комментатора дневников Берии анализ катынских событий не входил и входить не мог, поскольку в связи с дневниками эта тема неактуальна, а походя говорить о таких вещах действительно нельзя. И я всего лишь отметил ***в примечании*** к записи от 23 апреля 1943 года факт явной фальсификации «катынского» дела антисоветчиками.

Но, во-первых, сама «катынская» тема давно исследована многими не походя.

Во-вторых, эту тему в связи с темой Берии я отнюдь не игнорировал и написал об этом аспекте нашей не столько прошлой, сколько нынешней жизни, в своей главной книге о Берии «Лучший менеджер XX века».

В-третьих, анализу вопроса о Катыни посвящён ряд блестящих работ Юрия Мухина, где внятно показано, что «катынское преступление НКВД» – это двойная (вначале – геббельсовская, а затем – горбачёвско-ельцинская) фальшивка. К этому же выводу подводит и монография В.Н. Шведа «Тайна Катыни».

Ю.И. Мухиным, В.Н. Шведом и рядом других исследователей отмечено, в частности, что якобы подлинные «протоколы заседания ПБ от 5 марта» и прочие «документы» изготовлены на подлинных, но ***выведенных к марту 1940 года из оборота*** бланках и т. д.

Наконец, в-четвёртых, и это, пожалуй, самое существенное, вскоре после путинско-медведевских «катынских покаяний» покойному Виктору Ивановичу Илюхину, депутату Государственной думы от КПРФ, были переданы все материалы по технологии «перестроечного» изготовления «катынских» фальшивок. Фракция КПРФ проводила на основании этих материалов «круглый стол» и др.

Вот бы где поучаствовать в установлении истины известному разоблачителю фальсификаций и подделок, известному российскому историку, члену-корреспонденту Российской

академии наук Владимиру Петровичу Козлову. Нет же, он по адресу убедительных документальных разоблачений «катынских» провокаций восклицает: «Старая песня, комментировать которую нет смысла после многочисленных документальных публикаций по этому вопросу».

Хотелось бы знать, что понимает профессор Козлов под «многочисленными документальными публикациями по этому вопросу»? Не фальшивый ли «протокол заседания Политбюро от ***5 марта*** 1940 года», отпечатанный на бланке, выведенном из документооборота с ***1 января*** 1940 года?

Я ещё уделю теме Катыни внимание в своём месте, а пока что вернёмся к рецензии на мою публикацию дневников Л.П. Берии.

Профессор Козлов пишет:

> «Журналы Сталина дали возможность ***фальсификатору*** отразить в «Личном дневнике» Берии не только ***действительную*** хронологию посещений Берией кабинета Сталина, но и такие детали, как суточное время почти каждого посещения. «Сегодня товарищ Сталин пригласил пораньше, я пришел, он один», – зафиксировано в «Личном дневнике» 31 марта 1939 г. (т. 1, с. 110). ***И действительно***, в Журналах Сталина за этот день прием начался в 16 часов 40 минут с Берии, который пробыл в кабинете Сталина до 20 часов 15 минут (с. 255). Запись в «Личном дневнике» от 26 июля 1940 г. сообщает о посещении Сталина: «Только что от него, сидели два часа один на один, потом пришел Шахурин…» (т. 1, с. 186). Она соответствует Журналам Сталина, зафиксировавшим пребывание в кабинете Берии с 17 часов 5 минут до 20 часов 25 минут, причем до прихода Шахурина в 19 часов 10 минут Берия действительно беседовал наедине со Сталиным 2 часа 5 минут (с. 308)».

Всё верно. Дневниковая запись и реальная история совпадают, что подтверждает и сам профессор Козлов. Казалось бы, это лишний довод в пользу подлинности дневников. Нет же, моего рецензента не устраивает якобы излишняя детализация в дневнике – как в части хронологии, так и персонального состава тех, кто бывал у Сталина (о последнем моменте – чуть позже).

При этом сам же профессор Козлов сообщает, что Л.П. Берия бывал у Сталина почти ежедневно и нередко по несколько раз на дню. Так могло ли это обстоятельство не найти естественного отражения в дневнике?

Надо сказать, что мой рецензент очень неточен, когда заявляет о жёсткой связи записей в дневнике с «Журналами Сталина», – эта связь чётко прослеживается лишь в военное время, что вполне объяснимо. Ведь это был совершенно особый период в жизни и Сталина, и Берии, и России. Сталин работал тогда помногу каждый день и без выходных. Берия же работал вообще почти круглосуточно (его соратник по оборонному производству и затем по Атомному проекту Борис Глебович Музруков, да и не он один, позднее вспоминал, что во время войны Берия мгновенно отвечал на звонок практически в любое время суток).

С учётом военной круговерти развёрнутые пометки в дневнике о времени и обстоятельствах пребывания у Сталина имели для Берии несомненную и очевидную практическую ценность – не понимать этого способны лишь неисправимые академисты, никогда в жизни не отвечавшие за мало-мальски живое дело.

Собственно, у Берии, как у любого выдающегося организатора, имелась, конечно, и прочно выработанная привычка к точности и конкретности. Поэтому неудивительно, что он фиксировал ряд подробностей в дневнике и до, и после войны, но, повторяю, особенно часто он вносил такие подробности только в период войны.

Такую же информационную – кроме прочего – функцию явно выполняли и записи о том, кто и когда бывал у Сталина. Хотя порой они носят явно эмоциональный оттенок, о чём – чуть позднее.

Профессор Козлов пишет:

> «Журналы Сталина послужили ***фальсификатору*** основой для отражения в «Личном дневнике» составов персональных участников совещаний у Сталина и изменений в них в течение одного заседания. «Личный дневник» ***буквально наполнен записями типа*** «потом Коба меня еще задержал одного», «Были только Молотов, Жданов, Георгий (Маленков. – *В.К.*)», «Был только Молотов», «Кроме меня был только Молотов», «Сегодня почти час был с Кобой наедине», «Сегодня товарищ Сталин говорил мне, когда остались одни…», «Вчера докладывал Кобе один, при мне вызвал Клима (Ворошилова. – *В.К.*) и Молотова», «Сидели Коба, Клим, Молотов и я… Потом подошли военные», «Коба заседает с маршалами и генералами, Меня пока не вызывает», «Коба постоянно совещается с военными», «Просидел час у Кобы с Шолоховым… Потом остались одни», «Коба провел совещание по нефти. Собрал всех, было почти 50 человек», «Позавчера Коба провел большое совещание с военными. Нас не пригласил, был только Вячеслав (Молотов. – *В.К.*). Сегодня был у Кобы вместе с Всеволодом (Меркуловым. – *В.К.*)», «Только что от Кобы. Были только Вячеслав, Георгий и я» (т. 1, с. 67, 71, 78, 79, 84, 96, 167, 169, 174, 183, 186–187, 191,206, 253, 308). ***Примеры подобных записей можно было бы продолжать до бесконечности, и все они исключительно восходят к Журналам Сталина*** (ср. соответственно с. 242, 245, 246, 295, 298, 306, 308, 309, 313, 321, 334, 335, 355)».

Могу со всей ответственностью заявить, что опубликованный мною дневник Л.П. Берии ***не***наполнен записями «типа»… и что примеры подобных записей ***нельзя*** продолжать «до бесконечности».

Чтобы понять, имею ли я право на такое заявление, достаточно прочесть дневник с карандашом в руках. Мой рецензент просто спрессовал ряд отдельных предложений из разных записей в один блок и создал впечатление, что дневник чуть ли не из одних подобных коротких фиксаций и состоит. Но, во-первых, это не так (чуть ниже я это покажу), а во-вторых, мы ведь имеем дело с дневниковыми записями за полтора десятка лет!

Из такого массива записей при желании можно, пардон, надрать чего угодно! Или историк Козлов не знает, что цитирование должно быть корректным?

Что же до заявления профессора Козлова насчёт того, что все цитированные им записи в дневнике «исключительно восходят к Журналам Сталина», то тут уж получается вообще в огороде бузина, а в Киеве дядька. Как же могут расходиться записи в дневнике ***о пребывании в кабинете Сталина*** (даже если допустить, что дневник сфальсифицирован) с записями в опубликованных ныне журналах, где были зафиксированы эти посещения?

В любом случае – хоть умелой фальсификации, хоть подлинных записей – полное соответствие должно быть налицо. Но так ведь оно и есть. И на мой взгляд, полная корреляция хронологии и фактологии записей в дневнике и точно установленных исторических коллизий доказывают как раз обратное – подлинность дневников Л.П. Берии.

Профессор Козлов задаётся вопросом: «Для чего ***фальсификатору*** потребовалось систематически сообщать ***такие*** детали на протяжении ***всего*** «Личного дневника» Берии?» – и отвечает на него так:

> «Все дело в том, что хроника посещений, время посещений, состав посетителей, менявшийся часто по ходу встреч у Сталина, – это единственные

> реальные и достоверные факты, беспристрастно зафиксированные в Журналах Сталина. Указания на них в «Личном дневнике» Берии должны были, по замыслу фальсификатора, придать публикуемому документальному источнику признаки не только подлинности, но и достоверности. ***Стремление фальсификатора именно этими деталями подчеркнуть подлинность и достоверность «Личного дневника» Берии*** невольно превратило Берию в человека, маниакально стремящегося фиксировать не только свое присутствие на совещаниях у Сталина, но и присутствие других своих товарищей, да еще и отмечать последовательность их приходов и уходов в пределах одного совещания. «Выдающийся менеджер», оказывается, не гнушался ***примитивным личн***ым филерством».

Ну, во-первых, ***таких*** деталей на протяжении ***всего*** дневника просто нет. Это я, как публикатор дневников, тоже могу заявить со всей ответственностью, и доказывается это простым внимательным чтением дневника всё так же с карандашом в руке.

Надо сказать, что я благодарен профессору Козлову – он заставил меня ещё раз вернуться к тексту дневников уже в свете его обвинений и ещё раз подвергнуть проверке свой вывод об аутентичности текста. И результаты моего дополнительного анализа лишь укрепили эту мою уверенность.

А если уж говорить о признаках подлинности и достоверности дневников, то наиболее убедительными должны быть признаны, на мой взгляд, не сведения о присутствии того или иного из коллег Берии в кабинете Сталина, а достоверные исторические данные, присутствующие в тексте дневников. Сам же профессор Козлов (о чём подробнее позже) не отрицает полного соответствия всех достоверных исторических событий и т. д. тому, что описано в дневнике.

Но как быть с обвинением в том, что я, якобы фальсифицируя дневники, превратил Берию в некий гибрид самовлюблённого нарцисса и филёра? По утверждению моего оппонента, Берия в дневниках оказывается противоречиво двойственным: с одной стороны, он якобы маниакально стремится подчеркнуть, даже наедине с самим собой, свою постоянную близость к Сталину, а с другой – как дневальный у тумбочки, он мелочно отмечает последовательность приходов и уходов в пределах одного совещания своих коллег…

Профессор Козлов иронизирует – мол, «выдающийся менеджер» не гнушался, оказывается, примитивным личным филёрством.

К слову…

Фразы «…«Выдающийся менеджер», оказывается, не гнушался примитивным личным филерством» в варианте, опубликованном в академическом журнале «Вопросы истории», нет. Очевидно, она была сочтена слишком вульгарной для публикации такого уровня. Но символично, что слова «выдающийся менеджер» взяты профессором Козловым в кавычки – мол, какой там «выдающийся»! Зато слова о примитивном личном филёрстве кавычками не снабжены, явно выдавая полное неприятие современным российским историком исторической роли Л.П. Берии.

На этом моменте я позднее остановлюсь более подробно.

Так как же – был Лаврентий Павлович склонен к слежке за своими коллегами даже в кремлёвском кабинете Сталина или тот факт, что в его записях действительно нередко отмечено присутствие коллег и их приходы и уходы, можно объяснить иным образом, чем это сделал профессор Козлов?

Мой оппонент такую особенность дневников объясняет стремлением фальсификатора Кремлёва придать якобы подложным дневникам б***о***льшую достоверность. Но внимательное изучение дневниковых записей с тех позиций, которые отстаивает профессор Козлов (повто-

ряю, что я предпринял такой анализ только после прочтения его статьи), показывает, во-первых, что детализация приходов-уходов и т. п. характерна в основном для периода войны.

Я уже отмечал, что это был особый период. И имеет ли право тот, кто принимается за анализ текста дневников Л.П. Берии (или кого-либо ещё) на предмет установления их аутентичности, упускать из виду и не принимать во внимание чисто психологический момент?

Поставим себя на место Берии.

Война… Ситуация меняется порой калейдоскопически в течение одного дня. Но для Берии день за днём протекают, в некотором отношении, крайне однообразно: наркомат, Совнарком, кабинет Сталина, Совнарком, совещания, быстрый перекус, кабинет Сталина, недолгий сон, быстрый завтрак, наркомат и т. д.

Так – изо дня в день… Где-то отступают и наступают, кто-то гибнет или воюет, а Берия изо дня в день занят одним и тем же: слушает, говорит, читает, пишет, кое-как спит, кое-как принимает пищу, читает, диктует, пишет, говорит, слушает, говорит…

А затем – опять слушает, говорит, читает и пишет.

День за днём – одни и те же лица и ситуации. С какого-то момента эти лица будут стоять перед тобой постоянно – достаточно закрыть глаза. Каждый грибник знает, что после удачного, но утомительного дня в лесу, засыпая, видишь перед глазами грибы, грибы, грибы…

Вот так – насколько я себе это могу представить – было и у Берии, когда он оставался наедине с собой и дневником. Перед глазами по-прежнему стояли Сталин, Молотов, Маленков, Меркулов, Микоян и т. д. Берия вновь, записывая впечатления и мысли дня, переживал события дня, и это отразилось в стиле записей военного времени. Тем более что привычка к точности у старого чекиста Берии не могла не проявляться как в большом, так и в малом, почти рефлекторно.

Нет же, профессор Козлов усматривает здесь то ли неуклюжесть «фальсификатора» Кремлёва, то ли «примитивное личное филёрство» Берии.

Но если анализировать каждую конкретную «подозрительную» (с позиций профессора Козлова) запись в дневниках, то можно увидеть, что упоминание о появлении в кабинете Сталина того или иного человека или его уходе имеет в разных записях разную окраску и не является простой регистрацией на манер того, как это делалось в «Журналах Сталина». Нередко, в контексте записи, такое упоминание несёт вполне определённую смысловую или эмоциональную нагрузку.

И это можно показать.

Возьмём – для чистоты эксперимента – две последние записи, приводимые самим профессором Козловым (можно было взять и две первые или две любые другие, суть анализа не изменится).

Итак, первая его якобы цитата: «Позавчера Коба провёл большое совещание с военными. Нас не пригласил, был только Вячеслав (Молотов. – *В.К.*). Сегодня был у Кобы вместе с Всеволодом (Меркуловым. – *В.К.*)».

Три безбожно выдранные из текста фразы взяты из первого тома дневников «Сталин слезам не верит» (с. 253). Не знакомый с дневниками читатель может подумать, что этой якобы «филёрской» записью всё и ограничилось. Но ведь это совершенно не так. Вот что на самом деле находим мы в дневнике от 26 мая 1941 года:

> «Позавчера Коба провел большое совещание с военными. Нас не пригласил, был только Вячеслав (В.М. Молотов. – *С.К.*).
>
> Сегодня был у Кобы вместе с Всеволодом [1]. Всеволод поставил перед Кобой вопрос об аресте Сергеева [2] и Ванникова [3]. Придется арестовать и начать следствие. Есть данные, особенно по Сергееву. Георгий (Г.М. Маленков. – *С.К.*) поддерживает.

> Как разлагаются люди, не пойму. Сергеев сын рабочего. Тебя подняли, выучили, работай. А ты становишься сволочью. Тут дело серьезное, его придется мотать и мотать.
>
> А Ванникова жалко, разболтался.
>
> Потом поговорили по общей ситуации. Коба нервничает. На него не похоже, но перед нами ему скрывать нечего. Мне и Всеволоду сказал, что больше вас знают только ваши подчиненные [4]. Посмотрел на Пономаренко, говорит: «А у Пантелеймона и так всё на виду» (в примечаниях к текстам «Дневников» 1, 2, 3 и 4 я дал соответствующие справки. – *С.К.*)».

Ну и где же здесь признаки и следы «филёрства»? Факт присутствия на совещании Молотова и факт прихода к Сталину с Меркуловым не выпячиваются. Они просто упоминаются – по привычке Берии к точности, всего-то. Профессор же Козлов выстраивает вокруг некорректно цитируемого даже не отрывка, а ***обрывка*** записи целую теорию.

Достойно ли это?

При этом обращаю внимание читателя на то, что с 23.25 вместе с Берией и наркомом госбезопасности Всеволодом Меркуловым в кабинете Сталина находились также Маленков и 1-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пономаренко. Маленков был вызван к Сталину в 21.15 вместе с руководителями наркомата авиационной промышленности Шахуриным, Яковлевым и Ворониным, которые ушли как раз в 23.25. Однако их приход-уход и наличие в сталинском кабинете Берия, как видим, в дневнике не отметил. Ведь главное в записи от 26.05.41 г. то, что касается обстоятельств, относящихся к «епархии» Меркулова.

Меркулов, кстати, зашёл в кабинет вместе с Берией, но вышел оттуда менее чем через полчаса – в 23.50, сам. То ли «фальсификатор» Кремлёв, то ли «филёр» Берия сплоховал и этого факта не отметил. Как не отметил Берия и того, что ушли они от Сталина втроём – он, Маленков и Пономаренко, уже в 15 минут первого ночи.

Впрочем, это вполне понятно: Лаврентий Павлович был ведь крупнейшим государственным деятелем, а не секретарём-регистратором.

А вот ещё одна «цитата» из дневников, приведённая профессором Козловым: «Только что от Кобы. Были только Вячеслав, Георгий и я».

Увы, мой оппонент и здесь некорректно вырвал из контекста всего одну фразу. А ведь в действительности мы имеем дело с весьма обширной записью (т. 1, С. 307–308).

И записью за какое число!

За 7 ноября 1941 года!

Прошёл день 24-й годовщины Октябрьской революции, прошёл парад войск Московского гарнизона на Красной площади, накануне, 6 ноября, состоялось традиционное торжественное заседание Моссовета, прошедшее на этот раз на станции метро «Маяковская», выступил на этом заседании Сталин…

И вот в ночь с 7 на 8 ноября Сталин с 0.10 до 0.40 собрал у себя, в своём кабинете, только Молотова, Маленкова и Берию. О чём могли они говорить и зачем мог собрать их Сталин в ***такую*** ночь, после стольких событий? Запись в дневнике даёт нам ответ на этот вопрос через десятилетия.

Вот эта запись полностью:

> «А вот вам х…й, а не Москва. Парад провели и через год проведем! И через десять! И через сто! И в Берлине Парад проведем!
>
> Как грязь смыло. Коба – Гений! Другой подумал бы, что не время. А он сказал, надо провести. И провели!
>
> И собрание провели.

> Только что от Кобы. Были только Вячеслав, Георгий и я. Сказал, что же, товарищи, не думали мы год назад, что так отметим Октябрьскую годовщину. Но главное, что мы ее отметили и дальше отмечать будем. А этот подлец Гитлер, может, десятую годовщину своего рейха и отметит, а уже пятнадцатой годовщины ему не видать! Потом посмотрел на нас, говорит, какой пятнадцатой? Что мы, за годик не управимся?
>
> Может, и управимся. За три точно должны!»

Неужели профессор Козлов не способен допустить, что Берия мог не из «филёрских» соображений отметить в личном дневнике факт приглашения Сталиным к себе в кабинет лишь ближайших и наиболее важных соратников ***в такой*** день!

Точнее – уже ночь…

Ах да, впрочем, это же не Берия записывал. Это фальсификатор и лжец Кремлёв заставил его выглядеть «примитивным филёром».

Проанализировав подобным «глубоким» образом текст дневника, профессор Козлов подытоживает:

> «Таким образом, очевидно, что одним из источников фальсификации «Личного дневника» Берии стали Журналы Сталина, причем фальсификатор не только не смог скрыть их использование, но и невольно выдал свою зависимость от них».

Повторяю: профессор Козлов ломится в открытую дверь. Я не только не пытался скрыть использование «Журналов Сталина» в своей работе (не для фальсификации, а для анализа текста дневников и событий, в нём описанных), но прямо и не раз об этом говорил.

«Журналы» были для меня действительно некой «путеводной звездой», хотя при подготовке дневников к изданию я пользовался – если продолжить сравнение – всей «звёздной картой» эпохи, то есть множеством как документальных источников, так и мемуаров и т. д. И надо отдать ему должное, профессор Козлов «прозорливо» узрел также и эту черту моей работы, отметив:

> «Однако в руках фальсификатора были не только опубликованные Журналы Сталина. Ко времени изготовления подлога в его распоряжении находились многочисленные документальные публикации подлинных документальных источников, которые он использовал при изготовлении «Личного дневника» Берии. И надо отдать должное фальсификатору за его усердие: им несть числа. А потому, жалея себя и читателей, ограничимся всего несколькими примерами».

Каковы же эти примеры? А вот каковы:

> «Запись от 24 декабря 1941 г. в «Личном дневнике» Берии сообщает: «Разбираюсь со старыми завалами. В октябре прошли материалы из Лондона по работам в области атомной энергии… Якобы уже идут серьезные работы. Сообщают, что сила взрыва будет в огромнейшей степени больше, чем обычной взрывчатки… Пока Кобе ничего докладывать не буду, пока не до этого и надо разобраться. Может, брехня? Посмотрим» (т. 2, с. 314). Эта запись представляет собой не что иное, как фальсифицированную интерпретацию подлинного комплекса документов, опубликованных в документальной публикации «Атомный проект СССР» (т. 1, ч. 1, с. 239–245). Эта же публикация (т. 11, кн. 2, с. 440–444) стала, например, источником части записи в «Личном дневнике» за 28 февраля 1946 г.: «Год занимаюсь Ураном, настое…ли склоки с учеными. Мешик сообщает: возникли осложнения по

> академику Семенову. Не могут договориться, как его использовать…» (т. 3, с. 15). Запись от 17 апреля 1946 г. о заседании Специального комитета при Совете Министров СССР по атомной бомбе (кн. 3, с. 21–22) представляет собой пересказ соответствующего протокола заседания Спецкомитета от 13 апреля 1949 г. (т. 11, кн. 1, с. 90–91)».

Здесь спорить не с чем! Я действительно самым тщательным образом пользовался при анализе и подготовке дневников к изданию (в том числе – при комментировании записей) именно тем многотомным изданием документов по Атомному проекту СССР, о котором упоминает профессор Козлов.

Но могло ли быть иначе? Так же как «Журналы Сталина», этот капитальный «атомный» документальный источник просто нельзя не учитывать и не использовать как для оценки аутентичности дневников, так и для их комментирования.

Я его и использовал тем более активно, что хорошо знаком с теми, кто провёл огромную работу по рассекречиванию и изданию документов советского Атомного проекта, – Героем Социалистического Труда, физиком Г.А. Гончаровым (ныне, к сожалению, покойным) и бывшим сотрудником 12-го ГУ МО СССР полковником П.П. Максименко.

Продолжим знакомство с «разоблачениями» профессора Козлова:

> «Запись от 13 октября 1941 г. в «Личном дневнике» Берии сообщает о некоем «большом разговоре» у Сталина: «Снова доказывал Кобе, – пишет якобы Берия, – что взрывать город (Москву. – *В.К.*) и уходить не дело. Ни х…я мы толком не взорвем, потому что опыт уже есть, когда отходим, бардак… А надо крепче организовать оборону на случай уличных боев…» (т. 1, с. 306). Тут в распоряжении фальсификатора находился уже иной источник – многотомная документальная публикация «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», где помещены «Постановление Государственного Комитета Обороны о проведении специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области» от 8 октября 1941 г. (т. 2, кн. 2, с. 185–186) и «Записка комиссии по проведению специальных мероприятий в Государственный Комитет Обороны с представлением списка предприятий г. Москвы и Московской области, намеченных к уничтожению» от 9 октября 1941 г. (т. 2, кн. 2, с. 196–197). Эта же публикация (т. 111, кн. 1, с. 27) легла, например, в основу записи «Личного дневника» Берии от 7 января 1942 г.: «Руки до чего доходят, до чего не доходят. Хорошо напомнил Рогов. Надо исправить. Флот на особистов смотрит еще хуже, чем армия. Раздолбаи. Флотская разведка работает х…во, лодки гибли не пойми от чего, а они все флотские традиции. В задницу ваши традиции. Вам отдавали лучших людей… Ну ладно, это дело мы быстро укрепим и наладим» (т. 2, с. 12).
>
> Использование документов этих двух документальных публикаций при фальсификации «Личного дневника» Берии прослеживается достаточно часто».

А вот тут я должен огорчить своего оппонента…

Увы, многотомного документального издания «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» я в своём распоряжении не имел и не имею – у меня ведь, не москвича и не официозного исследователя, возможностей члена-корреспондента РАН В.П. Козлова нет.

Так что я, к моему величайшему сожалению, даже в руках не держал тех томов, на которые ссылается, как на якобы источник фальсификации, профессор Козлов. (Имеются в виду

тома «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2: Начало: 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – М., 2000; То же. – Т. 3. Кн. 1: Крушение «блицкрига»: 1 января – 30 июня 1942 года. – М., 2003»).

Уже после издания трёх томов дневников я по случаю приобрёл, будучи в гостях в Твери, лишь один том этого капитального издания, но он относится ко времени подготовки вермахтом операции «Цитадель» в районе Курской дуги, то есть к весне 1943 года. Наличие под рукой этого тома позволило мне расширить комментарий к 4-му тому уже недатированных материалов Л.П. Берии «Без Сталина России не быть».

Так что профессор Козлов может включить в перечень документов, «использованных Кремлёвым для фальсификации», только этот том.

Могу подсказать ему также, что мне пришлось внимательно и вдумчиво поработать с теми томами сборников документов «Лубянка и Сталин», которые охватывают период с 1937 по 1953 год.

Что же до остальных документальных публикаций подлинных документальных источников, которые я, по утверждению профессора Козлова «использовал при изготовлении «Личного дневника» Берии» и которым, по его подсчётам, «несть числа», то признаюсь, что тут мой оппонент попал, что называется, в точку.

За время работы по подготовке дневников к печати, их комментированию и снабжению развёрнутыми примечаниями я перерыл и использовал если не горы, то уж точно пару холмов сборников документов, газетных и журнальных публикаций, мемуаров, «мемуаров» и биографических справочников.

Ведь я понимал свою задачу (да и долг как перед «Павлом Лаврентьевичем», так и перед Лаврентием Павловичем) не просто как обнародование сенсационных дневников выдающейся исторической личности, но именно как оценку и анализ той эпохи, свидетелем и творцом которой был Л.П. Берия.

Профессор Козлов тоже не прошёл мимо этого аспекта дневников, но как!

А вот как:

> «Названные три источника фальсификации и еще много других дали возможность фальсификатору, прикрываясь подлинными документальными источниками, сфальсифицировать и «дневниковые записи» Берии, характеризующие его уже как человека, личность, государственного деятеля. ***Перед нами предстает не столько убежденный коммунист, сколько прагматичный государственный деятель,*** для которого, впрочем, нет крепостей, которые он не может покорить, благодаря своей неукротимой энергии, блестящим организаторским способностям, умению подбирать и мобилизовывать людей».

Тут уж получается вообще в огороде бузина, а в Киеве дядька!

С каких это пор, во-первых, убежденному коммунисту заказано быть прагматичным государственным деятелем, а прагматичному государственному деятелю – убежденным коммунистом?

Во-вторых, настоящий коммунист-руководитель – это всегда прагматичный государственный деятель. Вот Хрущёв, например, был карикатурой на настоящего коммуниста, и поэтому он никогда не был прагматичным государственным деятелем, зато зарекомендовал себя выдающимся волюнтаристом и выдающейся же бездарью.

Ну и, в-третьих, что должен был делать Л.П. Берия, ведя дневник, чтобы профессор Козлов соизволил признать его убеждённым коммунистом? Через слово писать: «Да здравствует всепобеждающее марксистско-ленинско-сталинское учение!» или «Ура ВКП(б) и её славной преемнице КПСС!»?

Сегодня уже не получается тотально дискредитировать Л.П. Берию «в лоб», аттестуя его как примитивного палача, умеющего «руководить» лишь кнутом. Во всяком случае, такой подход к Берии невозможен уже для любого профессионального историка, поскольку такой подход однозначно дискредитирует как непрофессионала прежде всего самого хулителя.

Сегодня даже самые ангажированные историки хотя бы сквозь зубы, но признают государственный масштаб Берии и его несомненный талант организатора. Однако при этом, как видим, не прекращаются попытки оторвать Берию от идей социализма и от сознательной, внутренним убеждением обусловленной, деятельности во благо именно социализма как общества трудящихся и для трудящихся.

Эти попытки по мере возможностей деполитизировать Берию вполне объяснимы. Одно дело – пример своего рода советского Форда, и другое дело – блестящий пример идейного большевика, умеющего организовать не просто подчинённых, а товарищей по общему делу, на феноменально успешное общественное созидание.

Вот и профессор Козлов хочет видеть (пусть даже не в подлинном документе, а в, как он утверждает, сфальсифицированном источнике) Берию «не столько убежденным коммунистом, сколько прагматичным государственным деятелем».

Тут моему оппоненту-рецензенту в очередной раз отказывает логика. Забегая вперёд, скажу, что побудительным мотивом для меня профессор Козлов называет желание реабилитировать «сталинизм вообще».

Но коль так, то я должен был как раз напротив, вводить в текст фальсификации как можно больше таких пассажей, которые подчёркивали бы идейность, большевизм Берии.

Но – вот же, оказывается, что образ убеждённого коммуниста Берии при знакомстве с дневниками Берии не складывается.

По крайней мере – у моего рецензента.

Ай да «сталинист» Кремлёв! Ну и промашка! Это же надо так опростоволоситься! Хотел сделать из Берии идейного соратника Сталина, а сделал всего лишь «прагматичного государственного деятеля» – советского то ли Рузвельта, то ли Дэн Сяопина, то ли Людвига Эрхарда…

Но дело в том, что, похоже, профессор Козлов плохо себе представляет, что это такое – убеждённый коммунист в эпоху реального социалистического и коммунистического строительства. Сдаётся, повторяю, что профессор Козлов не мыслит себе такого коммуниста без заявлений, через фразу, типа: «Ненавижу проклятых буржуев!», «Да здравствует великий Сталин!», «Гибель капитализма неизбежна так же, как приход осени после весны» и т. д. и т. п.

Однако на деле убеждённый коммунист в эпоху Сталина – это прежде всего человек, который сознаёт исключительные общественные созидательные возможности, свойственные только социализму, то есть обществу без капиталистов. Убеждённый коммунист – это человек, которому ***лично интереснее*** жить и работать в обществе, где каждый должен работать на общество так же, как общество должно работать на него.

И вот как раз ***таким*** убеждённым коммунистом Лаврентий Павлович Берия, безусловно, был. Он работал не ради накопления личных богатств и возможности развлечений по всему миру – от Куршевеля до космического туризма, а просто потому, что ему было интересно созидать новое и великое, а для яркой развитой личности подлинный социализм предоставляет в этом отношении практически безграничные возможности.

Причём подлинный, а не изуродованный хрущёвщиной, брежневщиной и горбачёвщиной и подрытый «кротами» социализм организуется таким образом, что яркий человек получает возможность для достижения не только индивидуального успеха, но и успеха, обеспеченного усилиями коллектива, руководимого яркой личностью.

В этом отношении Советский Союз эпохи Сталина представлял собой невиданный ранее в мировой истории гигантский коллектив во главе с когортой ярких личностей, наиболее яркими и талантливыми из которых были Сталин и Берия.

Профессор Козлов, похоже, не догадывается, что крупная личность может увлечённо и много работать на общество не за должности, не за акции и дивиденды, не за возможность купить модную этуаль или футбольный клуб…

Талантливый человек, крупный социалистический организатор и политик способен работать на износ просто потому, что это чертовски увлекательно и интересно, даже если ты света белого за делами не видишь и на годы укорачиваешь себе жизнь.

А кроме того, есть же ещё и чувство долга, ответственности – и перед Родиной, и перед своим талантом.

Сталин и те из его соратников, кто его не предал, всё это хорошо понимали и именно этим жили.

И вот как раз такой коммунист Берия из текста дневников, а также из изданных мной уже в 2012 году недатированных его материалов виден вполне отчётливо.

Но заслуга в том принадлежит, конечно же, не «фальсификатору» Кремлёву, а самому Берии и той эпохе, которая его сформировала, возвысила и раскрыла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.